



КАРАГОДА Константин Павлович

преподаватель Краснодарского педагогического колледжа,
аспирант кафедры истории, культурологии и музееведения
Краснодарского государственного института культуры
Краснодар, Россия

Konstantin P. KARAGODA

Lecturer, Krasnodar Pedagogical College,
Graduate Student, Department of History,
Cultural Studies and Museology,
Krasnodar State Institute of Culture,
Krasnodar, Russia
karagoda.k.p@mail.ru



УДК 7.067
ГРНТИ 18.07.43
ВАК 24.00.01

Риторика женской агрессии: опыт анализа художественных текстов Нового времени

Статья посвящена риторике агрессии женщин в изобразительном искусстве и литературе. Агрессия как феномен достаточно изучена. Описание агрессии женщин в художественных текстах, хотя и встречается часто, но недостаточно исследовано с научной точки зрения. Женщина, лишенная голоса в патриархальном обществе, подвергается мифологизации своего образа, выступая и как мать всего живого, и как кровавая богиня смерти. Женщинам приписывали слабость, иррациональность, коварство, жестокость. В этом заключается архаический страх мужчин, выражающийся и в том, что врагам приписывались женские качества. Все эти стереотипы повторяются в европейской культуре и несут архетипическое происхождение. О. Шпенглер и О. Вейнингер предрекали феминизацию цивилизации. Антропоморфизм мышления привязывает к абстрактным явлениям черты женского: так Г. Лебон видит в революционной толпе женский характер, а Ч. Ломброзо в женской преступности видит черты наследственности и физиологии. В общей традиции художники и литераторы создают аллегории революций, побед, гневной бунтующей толпы в образе женщины, кровожадной, ведущей и на победу, и на смерть. Исторические потрясения

Rhetoric of Women Aggression: the Experience of Analysis of Artistic Texts of the Modern History

The article is devoted to the rhetoric of women aggression in the visual arts and literature. Aggression was sufficiently studied as a phenomenon. Description of women aggression in artistic texts, although quite common, was not sufficiently studied. A woman deprived of her voice in a patriarchal society was mythologized: her image in the process of this mythologization received the traits of the mother of all living things and simultaneously of the bloody goddess of death. Women were credited with weakness, irrationality, cunning, cruelty. This is the archaic fear of men, expressed in the fact that women qualities were attributed to the enemies. All these stereotypes reiterate in European culture and emerge from certain archetypes. Oswald Spengler and Otto Weininger predicted the feminization of civilization. The anthropomorphism of thinking endows biological and social phenomena with female traits: thus Gustave Le Bon sees the female character in the revolutionary crowd, and Charles Lombroso sees in crimes committed by women the features of heredity and physiology. It is a common tradition, that artists and writers furnish the allegories of revolutions, victories and angry rebellious crowd with female traits, women appearing bloodthirsty, leading both to victory and to death. Historical shocks contribute to the

способствуют раскрепощению масс и часто сопровождаются не только мужской, но и женской агрессией, которая шокирует общество, привычно воспринимающее женщину как слабый и нежный пол.

Ключевые слова: агрессия, антропоморфизм, насилие, архетип, мифология, натурализм, женственность, феминизация, революция.

emancipation of the masses and are often accompanied not only by male but also by female aggression, which shock the society, that habitually perceives a woman as a weaker and gentler sex.

Keywords: aggression, anthropomorphism, violence, archetype, mythology, naturalism, femininity, feminization, revolution.

В искусстве есть много общего с приемами риторики: антитезы, метафоры, гиперболы, аллегории и др. В истории культуры риторически противопоставлялись: мужское и женское, добро и зло, рождение и смерть, телесное и духовное и т. д., которые выражались абстрактно. Г. Зиммель заметил природу раздвоенности в самой природе души человека: «В глубине нашей души кроется, очевидно, некоторый дуализм, который, не позволяя нам воспринимать картину мира как неразрывное единство, постоянно разлагает ее на целый ряд противоположностей» [4, с. 163]. Риторика путем абстрактных образов, противопоставлений преподносит моральные уроки, так например: наказуем тот, кто нарушает общепризнанный порядок. Еще Аристотель заметил, что человек учится путем ассоциации идей, в дальнейшем эту концепцию развил Джон Локк. Дэвиду Юму принадлежит теория законов ассоциаций идей, подразделяя их на несколько типов: сходство, контраст, смежность в пространстве и времени, причинно-следственность. У. Липпман писал: «Греческие философы стали ощущать потребность в адаптации популярной эпической религии к прогрессу науки, люди бьются над проблемой, как сделать конкретным и реальным то, что является абстрактным и нематериальным» [9, с. 151]. На протяжении всей истории цивилизации, с древнейших времен мы видим культурные коды противостояния, отщепенства, зависти и злости, порождающие как следствие страдание, отвращение, назидание. Антропоморфизм стал приписывать разным социальным законам «женское и мужское», что стало разделительной чертой, образом, которым пользовались в объяснении совершенно разных явлений и понятий, порой совершенно абстрактных и никак не согласующихся с гендерными или половыми различиями челове-

ческих индивидов. Замечено, что «Человек «принимает» на себя свойства тех объектов, которые он пытается освоить. Антропоморфизм — реальная форма освоения человеком мира. Он делает ближе то, что было для человека чуждым, внешним» [17, с. 2]. Ф. Бэкон относил антропоморфизм к «идолам рода», подчеркивая, что объяснять природу, сравнивая её с поведением человека, ошибочно. Разумное замечание Бэкона, как покажет наше дальнейшее исследование, осталось неприкосновенным для иррационального осознания культуры и искусства.

На основе антропоморфического мировосприятия древних греков европейские мыслители продолжили использование гендерно-половых метафор в объяснении своих теорий. Так, у О. Шпенглера исторический процесс делится на мужской — вертикальный и женский — горизонтальный. Шпенглер в своей книге «Закат Европы» и его современник О. Вейнинггер в книге «Пол и характер» предрекали цивилизации Европы путь полной феминизации. Г. Лебон сравнивал психологию поведения масс с женской психикой и поведением и в своем исследовании «Психология народов и масс» считал, что масса (толпа людей, имеющая политическую силу в эпоху революций) любит сильных мужчин, и, значит, толпа поступает как женщина. Он писал: «В числе специальных свойств, характеризующих толпу, мы встречаем: импульсивность, раздражительность, неспособность обдумывать, отсутствие рассуждения и критики, преувеличенную чувствительность... которые наблюдаются у существ, принадлежавших к низшим формам эволюции, как-то: у женщин, дикарей и детей» [8, с. 169]. Рассуждения Лебона ярко характеризуют общеевропейский мировоззренческий круг знаний середины XIX в. с его теориями о расовом превосходстве европей-

цев над коренными жителями колоний, патриархальный взгляд на женщин, как ответ на начавшееся женское движение, на зарождающиеся науки психологии.

Политики и диктаторы часто сравнивали народ и толпу с женщиной, а вождя — с мужчиной, руководящей ею: «У меня только одна страсть, одна любовница — Франция. Я ложусь с ней» (Наполеон). Гитлер писал в своей книге, что массы: «Как женщина... они предпочитают скорее покориться сильному мужчине, чем помыкать слабым...». Все эти высказывания, пусть и столь абстрактные, служат для ученых Либмана, Тарда, Фромма доказательством фашизации масс в XX в. Иррациональность и подчинение масс, приписываемые характеру женщин, что является гендерной субъективностью. Искать в женском отрицательные черты, наделяя ими массы, народы, исторические периоды упадка, свойственно было греческой, а затем и европейской цивилизации. Историю создавали и писали мужчины, женщинам они приписывали немислимую ярость и агрессию, а в переломные периоды истории считалось, что все беды от женщин (например, миф о ларце Пандоры, начало Троянской войны и др.).

Возможно, все вышеописанные тенденции имеют архетипические корни. К. Леви-Стросс показал, что при всей неоднозначности и разнообразии культур, у многих первобытных народов встречается некоторое снисходительно-насмешливое отношение к женщинам. Так, наблюдая за жизнью бразильского племени намбиквара, он пишет: «Из уст мужчин нередко вырываются фразы: «Дети не знают, женщины не знают, только я знаю». В исследовании Леви-Стросса «Печальные тропики» также описывается множество запретов (табу) для женщин бразильских племен намбиквара и бороро, словно на них накладывалось метафизическое проклятие. Так, им нельзя посещать мужской дом, видеть обряды мужчин, слушание грозит смертельной карой. А мужчины-индейцы в провале той или иной кампании обвиняли женщин. Немецкий психолог Э. Нойман писал об архаическом мировоззрении: «Мир, жизнь, природа и душа переживались как порождающая и питающая, защищающая и согревающая Женственность.

Та женщина, что порождает жизнь и все живые вещи на земле, также забирает их обратно в себя. Болезнь, голод, неприятности, война, наконец — её помощники, и среди всех народов богини войны и охоты выражают человеческое переживание женщины как жаждущей крови» [12, с. 146].

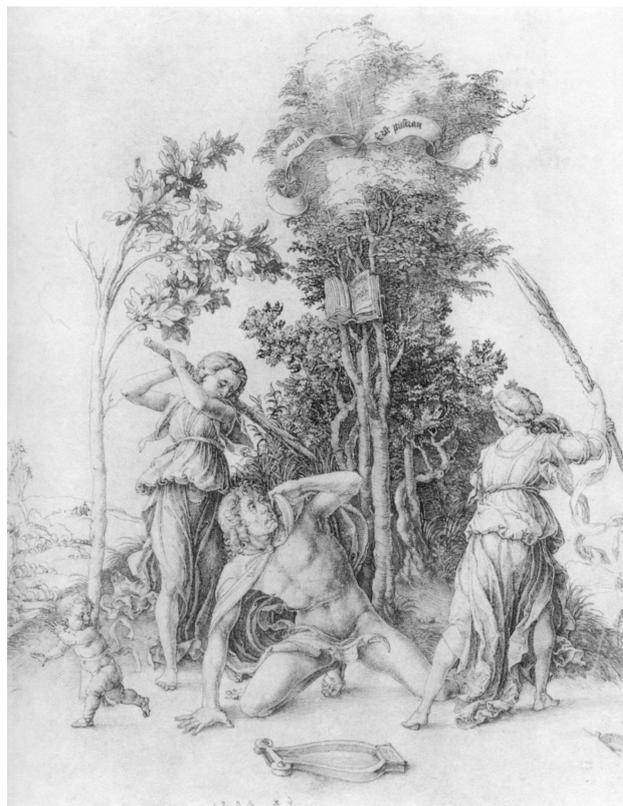
Стереотип женского носит мифический характер, что схоже с наделением животных в сказках свойствами вовсе им не присущими в природе: заяц — трусливый, лиса — хитрая и т. д. Это некие абстрактные категории, сложившиеся и укоренившиеся в сознании людей с древнейших времен, цель которых не характеризовать конкретное животное, а описать индифференциально какую-то доктрину. Безгласность женщины уподобляется безгласности животного и ребенка, мнение её о самой себе игнорируется, поэтому патриархальным обществом создается миф о женщине.

Скорее всего, страх перед феминизацией в понимании доктринеров — утрата мужских качеств: силы, разума и является подсознательным страхом. Часто утрата мужских качеств приписывалась вымышленным врагам, так, антисемит О. Вейнинггер приписывал евреям женственность, что в дальнейшем было взято нацизмом на вооружение, чтобы оправдывать их истребление.

Агрессия женщин в мифах и фольклоре. Культура оставила немало сцен насилия над женщиной, но есть также и ответные сцены насилия женщин. Артемида превращает Актеона в оленя, и его разрывают на части собаки, а женщины острова Лемнос убивают мужей за измены. Медея убивает своих детей, Клитемнестра убивает Агамемнона. Данаиды убивают мужей после свадьбы. В библейской истории Юдифь обезглавливает Олоферна, Иезавель творит бесчестие, Далила лишает силы Самсона, Саломея жаждет получить голову Иоанна Крестителя и так далее.

Амазономахия, борьба греческих героев Геракла, Ахилла и Тесея против воинственного племени амазонок, нашла свое отражение в скульптурных барельефах Скопаса в Галикарнасском мавзолее. Пергамский алтарь запечатлел участие в битве (титаномахии) женщин-богинь, повергающих грозных титанов. Можно вспомнить о менадах: в экстазе танца

и опьянения они нападают на царя Пенфейя и разрывают его на части. Скульптура «Менада» работы Скопаса наполнена демонической экспрессией, танец опьяненной Менады стремителен. Менады с древнегреческого переводятся как безумствующие. Они спутницы и почитательницы бога Диониса. Из мифов известно, что дикие менады, опоясанные извивающимися змеями, кормят грудью волков и газелей, они разрывают скот голыми руками. Фракийские менады растерзали певца и музыканта Орфея за то, что он презрел их любовные притязания. Это яркий образ ужаса перед могуществом женщины, перед её непостижимостью, перед архитектурным союзом женщины и хтонической природы. Ф. Ницше противопоставлял культ Аполлона культу Диониса, культ неба в схватке с культом земли. Греческий миф о гибели Орфея раскрывает перед нами две ипостаси женского. Менады, натравленные Дионисом на Орфея, который превозносил выше всего бога Аполлона, разрывают его на части и бросают голову в реку, которую затем подбирают музы и оплакивают. С одной стороны — менады как олицетворение всего хтонического, Дионисийского в женском, с другой — музы, которые оплакивают Орфея — олицетворение женщин Аполлонического склада. Греческие легенды пережили античную цивилизацию и стали частью европейской культуры. Эпоха Ренессанса пыталась возродить «Золотой век» античности, внося в искусство греческие и римские сюжеты. Особенно популярным был миф об Орфее. Убийство Орфея запечатлел на рисунке Альбрехт Дюрер («Смерть Орфея», 1494–1498, Кунстхалле, Гамбург). Две менады замахнулись деревянными рогатинами на упавшего на колени Орфея, который пытается защитить свою голову руками, его арфа упала на землю. Григорио Лаццарини создает полотно «Орфей, наказуемый ваханками» (1690-е гг.,



Альбрехт Дюрер. «Смерть Орфея», 1494–1498, Кунстхалле, Гамбург



Григорио Лаццарини. «Орфей, наказуемый ваханками», 1690-е гг. Ка'Реццонико, Венеция

Ка'Реццонико, Венеция). Мы видим динамичную битву-расправу над Орфеем, менада (вахканка) одной рукой схватила Орфея за волосы, а другой размахнулась его же скрипкой, другая двумя руками схватила его и волочит по земле.

Женская агрессия присутствует и в мифологизированных биографиях философов. Образ сварливых жен известен в нескольких полуполюгандарных преданиях античности, которые ярко представлены в изобразительном искусстве. Ксантиппа, жена Сократа стала легендарной благодаря своему дурному нраву. На одной из гравюр изображается, как Ксантиппа выливает Сократу за шиворот помои. «После такого грома, — только и сказал на это мудрец, — можно было ожидать, что гроза не пройдет без дождя!». Знаменит ещё один сюжет, связанный с Аристотелем и Филлидой, скорее всего, придуманный в Средневековье. Аристотель предостерегал своего ученика Александра Македонского от женского коварства. Узнав об этом, Филлида, возлюбленная молодого царя, пытается опозорить его учителя, применив все свои чары обольщения. Она села на спину философу и, вдев ему в рот уздечку, погоняет его плетью. Этот комичный и наполненный эротикой момент обыгрывается во множестве произведений искусства,



Бальдунг Грин. «Филлида и Аристотель», 1513. Национальный Музей Нюрнберга



Лукас Кранах. «Филлида и Аристотель», 1530. Частное собрание

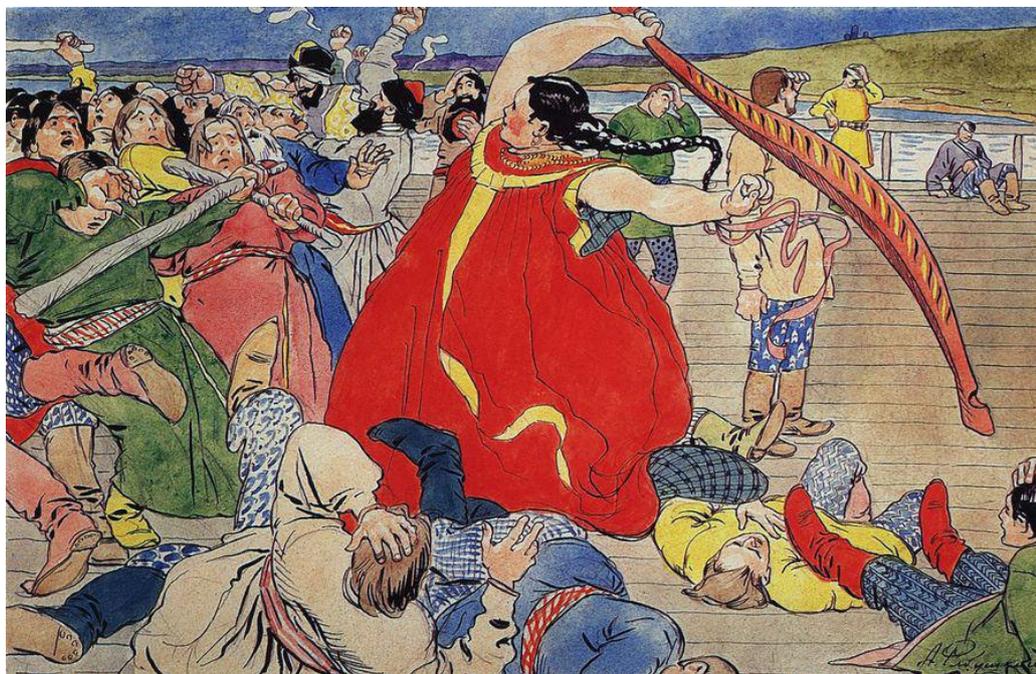
например, в знаменитой гравюре Бальдунга Грина (1513 г., Германский национальный музей, Нюрнберг), где Филлида обнаженной сидит на спине обнаженного Аристотеля. Лукас Кранах также запечатлел этот сюжет в своей картине «Филлида и Аристотель» (1530 г., частное собрание). Филлида мстит Аристотелю за плохое мнение о женщинах. Страсти философа, умудренного временем и поддавшегося обольщению Филлиды — иллюстрация тайной власти женщины над мужчиной. Но хитрость её не оказала должного воздействия на Александра, он не перестал уважать своего учителя, а только удостоверился в его словах, увидев месть коварной женщины.

Тема агрессии женщин присутствует и в русском фольклоре, в былинах и песнях. Известны балладные песни «Жена мужа зарезала» и «Сестра отравила брата» [14, с. 208–209]. Л. Олсон пишет: «Основываясь на ком-

ментариях сказительниц, мы можем отметить, что сценарий «плохая женщина» обладает для них особенной притягательностью в силу своей трансгрессивности: она выступает нарушительницей социальных норм» [13, с. 45]. В былинном эпосе о Василии Буслаеве и его дружине есть героиня — девушка-чернавушка, которая вступает в бой с одолевающими дружину новгородскими мужиками, пока Василий по велению своей матери заперт у себя в доме. Этот момент запечатлел в своей иллюстрации к былине художник А. П. Рябушкин «Девушка-чернавушка побивает мужиков новгородских» (Эскиз иллюстрации к былине о Василии Буслаеве для журнала «Шут», 1898 г., Государственный Русский музей, Санкт-Петербург). Н. И. Костомаров писал: «В новгородских женщинах была мужественность; в суде, когда дело доходило до поля, жонка с жонкою становилась на бой — дело было обычное и законное. Не мудрено, если и девушка-чернавушка из Буслаева дома богатырски отмахивалась от мужиков» [7, с. 34]. Образ девушки, побивающей мужчин коромыслом, безусловно, является частью эпического юмора, некоторой подмены. Пока герой находится под влиянием матери и не может выполнять свои богатыр-

ские функции, а именно побеждать в битве, на замену выходит женщина, которая ничуть не хуже богатыря. Верится, что в доме богатыря все обладают богатырской силой и удалью, даже прислуга — девушка-чернавушка.

Революции и женская агрессия: отражение в культуре. История знает переломные моменты, когда женщина берет на себя роль революционера, воина, террориста, политического активиста. Можно вспомнить такие исторические личности, как Жанна д'Арк, Шарлотта Корде, Вера Засулич и др. Известны и акты вандализма со стороны женщин против искусства, воспевающего женскую красоту. Так, в 1914 г. суфражистка Мэри Ричардсон не только занималась поджогами, била окна в Министерстве внутренних дел, взрывала железнодорожные станции, но и напала с ножом на картину Веласкеса «Венера с зеркалом» (Национальная галерея, Лондон), изрезав её. Другая суфражистка Эмили Дэвисон в 1913 г. на английском дерби выбежала навстречу скачущей лошади и погибла под ее копытами. Её протестная акция самопожертвования всколыхнула общество, и похороны обернулись массовой демонстрацией с лозунгом «Дайте мне свободу или позвольте умереть».



А. П. Рябушкин «Девушка-чернавушка побивает мужиков новгородских» (Эскиз иллюстрации к былине о Василии Буслаеве для журнала «Шут»), 1898. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

В революционных движениях женщины всегда принимали активное участие. Ярким примером явился знаменитый поход женщин на Версаль во время Великой французской революции 5–6 октября 1789 г. Революционерка Анна-Жозефа Теруань де Мерикур организовала вооруженное выступление женщин (и в то же время устроила

линчевание памфлетиста, который назвал её падшей). Теруань де Мерикур в дальнейшем сама стала жертвой насилия. Она сочувствовала партии жирондистов, а толпа женщин, примыкающих к якобинцам, раздела её на улице и выпорола, после чего она сошла с ума. Парижское восстание женщин было прямым следствием нехватки продовольствия и все усиливающегося голода. Так описывает начало этого похода Томас Карлейль: «Утром в понедельник на грязных чердаках матери просыпаются от плача детей, которые просят хлеба. Надо спускаться на улицу, ...становиться в хлебные очереди. Везде они встречают изголодавшихся матерей, полных сочувствия и отчаяния. О, мы несчастные женщины! Но почему вместо хлебных очередей не отправиться во дворцы аристократов, корень зла? ...Молодая женщина хватается барабан и идет, выбивая дробь, и громко кричит о вздорожании зерна. Спускайтесь, о матери, спускайтесь, Юдифи, за хлебом и мстью!» [6, с. 161]. После падения Бастилии Парижское восстание женщин можно считать вторым по важности этапом Французской революции.

Женщины, чаще всего из бедных слоев общества, во времена потрясений напоминают мстящих фурий и неистовых менад, и это неудивительно, так как самое бесправное существо, какое могло быть тогда — это женщина из бедняков. Вся её ненависть, которая долгие годы копилась в ней, вырывается во время падения власти мужчин, а революция дает ей иллюзию взять реванш за долгие годы унижений и несправедливости. Филипп Друль, один из членов Конвента писал: «Когда голова приговоренного падает под мечом закона, только злое и аморальное существо может этому радоваться. К чести людей моего пола скажу, что если и встречал это чувство, то только в женщинах; они вообще более жадны до кровавых зрелищ, чем мужчины; они, не дрожа, смотрят, как падает нож гильотины. Отмечают, что именно женщины в народных движениях способны на самые ужасные деяния: мечь, эта страсть слабых душ, мила их сердцу; когда они могут творить зло безнаказанно, то с радостью хватаются за возможность избавиться от собственной слабости, ставящей их в зависимость от судьбы» [1, с. 20].



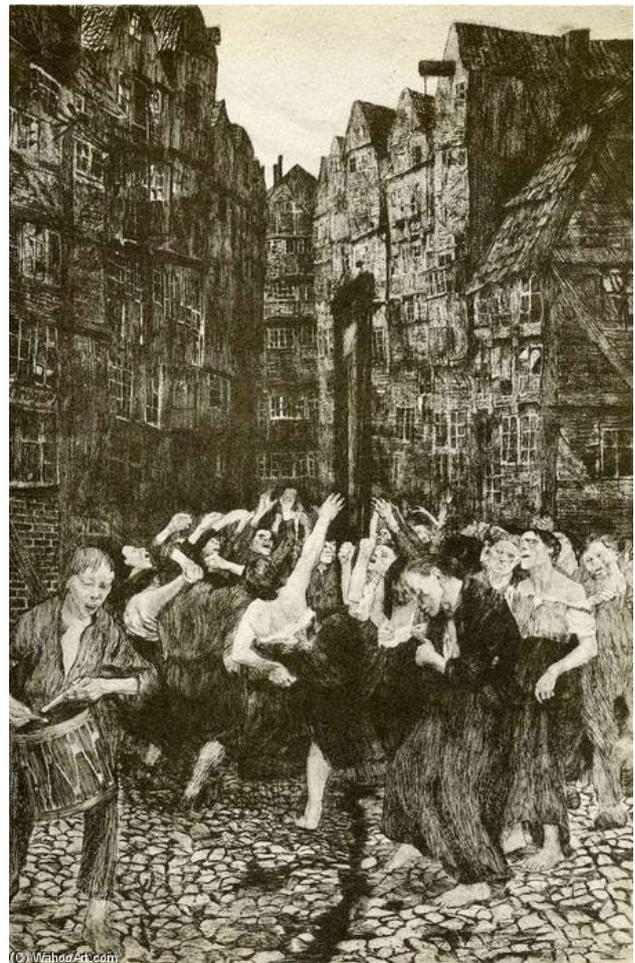
Ж-Л. Давид (?) «Зеленщица», 1795, Лувр.

Знаменитому французскому художнику Жаку-Луи Давиду приписывают создание картины «Зеленщица» (1795 г., Лувр, Париж). Портрет бедной, старой женщины из трущоб Парижа своей правдой жизни рушит все искусственные приемы классицизма, созданные для парадных портретов. Если его поместить рядом с портретами, которые делал под заказ Давид, то зеленщица шокировала бы публику своей вызывающе гордой позой победителя. Чувствуется её крутой характер. Кажется, сам дух народа, таящийся в этой картине, затмил изнеженные образы аристократок. Вот такие женщины шли в Версаль, насаживали на пику голову принцессы Ламбаль и стояли на площади во время казни короля и королевы Франции. «Зеленщица» Давида — истинное лицо бунтующего народа.

Символ июльской революции — полотно «Свобода, ведущая народ» Эжена Делакруа (1830 г., Лувр, Париж). Г. Гейне, посетивший открытие салона, на котором впервые был представлен шедевр Делакруа, так описывает облик главной героини: «Молодая женщина в красном фригийском колпаке, с ружьем в од-

ной руке и трехцветным знаменем — в другой. Она шествует через трупы, призывая к борьбе, обнаженная по пояс. Прекрасное, неистовое тело; смелый профиль, дерзкая скорбь в чертах лица, странное сочетание Фрины, селедочницы и богини свободы. <...> Фигура, кажется, скорее должна изображать дикую народную силу, сбрасывающую ненавистное ярмо» [3, с. 73]. Женщина, запечатленная на полотне Делакруа и символизирующая революцию, несомненно, была взята за основу аллегорического изображения богини победы Ники. Изображение женщины на поле брани в символическом образе гения, спускающегося с небес на ратное поле, часто встречается в картинах разных эпох, так например, в картине И. Таннауэра «Петр I в Полтавской битве» (1724–1725). В дальнейшем женщину, как символ победы, можно будет увидеть в монументальной пропаганде первых лет Советской власти (Н. Андреев «Монумент Советской конституции», 1919 г.; С. Коненков барельеф «Павшим в борьбе за мир и братство народов», 1918 г.). Образ богини-воительницы постепенно преобразуется в аллегория революции, смешиваясь с натуралистичным восприятием XIX в. Мы видим это в описаниях Гейне, где возвышенное чередуется с низменным и натуралистичным, где аллегория свободы он сравнивает с «селедочницей», с женщинами, «которые вечерами рыскают по бульварам». Затем Гейне подводит итог: «Великая мысль облагородила этот простой люд, этот сброд, освятила его поступки и пробудила в его душе уснувшее чувство собственного достоинства» [3, с. 73]. В этой художественной критике мы видим характерный для той эпохи отстраненный взгляд на народ. Делакруа изображает революцию в виде женщины, аллегорически представляющей толпу, народ, ведущей и к победе, и к смерти, что является архетипом женского.

Немецкая художница начала XX в. Кете Кольвиц передает ужасы социальной катастрофы: голодающий и бастующий народ населяет её мрачные литографии и офорты. На гравюре «Карманьола» (1901), изображен немислимый танец бедных женщин вокруг гильотины. Само название относит нас во времена Великой французской революции, когда революционно — настроенные толпы распе-



Кете Кольвиц. «Карманьола», 1901

вали песню «Карманьола». Этот, поистине дикий танец вокруг гильотины превращает женщин в жаждущих кровь вакханок, они иступленно сжали кулаки, они полны ярости, напряжения, многие растрепаны и оголены. Гравюра показывает нам что-то архаичное, вневременное, что присутствует в толпе, подверженной кровавому экстазу, безумию. В офорте из цикла «Крестьянская война» (1902–1908) мы видим сгорбившуюся фигуру старухи, грозно поднимающую свои тонкие костлявые руки и призывая вооруженную вилами и косами толпу к бунту, к кровавой расправе. Художница не раз обращалась к роману Э. Золя «Жерминаль», откуда она брала сюжеты для своих произведений.

«Риторика агрессии» в литературе. Творческая интеллигенция, вдохновленная Дарвином, утверждавшим, что человека следует рассматривать как биологическое существо, подобно другим животным, натурали-



Кете Кольвиц. «На штурм». Из серии «Крестьянская война», 1903

стично подходит к изображению человека. Искусство того времени ярко иллюстрирует, что без идеологического и мифического подтекста искусство есть отражение не человека и его души, а простой физиологии. В то время было популярно исследование Ш. Летурно «Физиология страстей». В своих романах «Тереза Ракен» и «Мадлен Ферра» Э. Золя использует «теорию страстей» Летурно. Теория страстей заключается в том, что физиология роковым образом определяет поведение людей, когда её «деспотическая власть», по словам автора, «превращает человека в животное». Человек не самостоятелен и является жертвой собственной природы, страстей, физиологии, наследственности. Ч. Ломброзо, изучавший агрессию женщин, подобно Летурно, основывая всё на физиологии, пишет: «У женщины много общего с ребенком: она обладает слабо развитым нравственным чувством, ревнива, злопамятна и старается выразить свою месть в рафинированной, жестокой форме» [10, с. 197]. На таких представлениях и строилось понимание женской агрессии в XIX в., что отражено во многих произведениях европейской литературы.

Э. Золя в романе «Жерминаль» описал агрессию доведенных до бедности женщин, которые во время забастовки кровожадно глумились над телом бакалейщика, который в страхе пытался спастись бегством по крыше своего дома, но сорвался и упал. Они устраи-

вают надругательство над его трупом: «Сбежались женщины, опьяненные пролившейся кровью. <...> Осыпали мертвеца бранью, изливая накопившиеся жестокие обиды за свою горькую, голодную жизнь. <...> Но женщинам мало было этой мести. Они кружили вокруг, как волчицы, и словно обнюхивали труп. Каждая старалась придумать издевательство пострашнее, посвирепее, чтобы облегчить сердце» [5, с. 481].

И. Эренбург, будучи во Франции во время Первой мировой войны, описывает проявление жестокости женщин: «В Нанте недавно женщины, узнав о том, что в город должны привезти пленных, караулили на вокзале с палками, метлами и вилами. Караульные еле сдерживали беснующихся «патриотов». Эренбург передает диалог двух девушек: «Я бы их всех перерезала. — О, это слишком для них хорошо! Я бы сначала отрезала пальцы, один за другим, потом бы выколола глаза; потом горячими щипцами прихватила язык, потом...» [18, с. 200].

В качестве примера из русской истории можно привести воспоминания врача М. Мелентьева о том, что происходило во время Февральской революции 1917 года в Кронштадте: «Роковую роль в жестокостях играли женщины, работницы порта. Эта слабая часть человеческого рода оказалась неумолимой и жестокой, и своими истерическими и иступленными воплями: «бей его, бей!» побуждала мужчин к убийствам и расправам». Мелентьев далее описывает смерть капитана Степанова: «Ничего плохого за этим человеком не числилось <...> И вдруг навстречу куча разъяренных баб, угорелых от крови и массового убийства: «Бей его, бей! Куда ведете? Одним меньше будет!» И бросились, и начали бить человека, совсем незнакомого, не сделавшего им ни малейшего зла. Через минуту бесформенная масса валялась на снегу. К вечеру во внутреннем дворе госпиталя высилась громадная куча обезображенных людских тел с офицерскими погонами. Шел снежок и тихо засыпал этот трофей революции, а женщины лезли через заборы, стояли у всех щелей, любопытствовали, смеялись и оскверняли своими нечистыми побуждениями самое важное в жизни каждого человека — смерть» [11, с. 78].

В 1915–1917 гг. в России наблюдались так называемые «хлебные погромы», когда, стоящие в длинных очередях женщины не выдерживали и начинали забрасывать камнями витрины магазинов. Р. Стайтс пишет: «6 апреля 1915 г. в Петрограде на один день была прекращена продажа мяса, женщины разгромили и разграбили крупный мясной рынок; то же самое, только уже из-за приостановки торговли хлебом повторилось и два дня спустя в Москве» [16, с. 394–395]. Современник тех событий П. Сорокин писал в своем дневнике: «Русская революция была начата голодными женщинами и детьми, требовавшими хлеба и селедки» [15, с. 57].

В поэме «Спекторский» Б. Пастернак аллегорически описывает революцию как «девочку в чулане», где общество выступает как насильник, растлевающий ребенка. Этот образ, по замечанию Д. Быкова, был взят из «Бесов» Достоевского. Д. Быков пишет: «Никто еще до Пастернака не понимал революцию как женскую месть. Скорее уже склонны были трактовать как мужское своеволие, пир безнаказанности <...> В пастернаковском же понимании революция оправдана тем, что это мщение за «дремучий стыд» или «стыд дочерний» [2, с. 55].

Агрессия, проявляемая женщинами, показывает предельное состояние общества и воспринимается как какая-то патология, так как агрессия и воинственность всегда приписывалась мужчинам. Английская писательница В. Вулф в своем эссе «Три Гинеи» (1938)

обвиняет мир в излишней маскулинизации, в которой она видит причины военных столкновений, ведь большинство мужчин любят войну, для них «в сражении — слава, и необходимость, и удовлетворение» [20, р. 151]. Фрейд, как и многие, поддался патриархальному упрощенному обобщению: «Мы называем все сильное и активное мужским, а все слабое и пассивное — женским» [19, р. 11]. Патриархальное представление о гендерных ролях мужчины быть воином, а женщине быть хозяйкой дома и матерью разрушается во времена глубоких потрясений, отчаяния, вызванного войнами, революциями, голодом и жестокими притеснениями женщин. И женщины нарушают неписаное правило, выходя за рамки культуры, становясь агрессорами, тем самым, подменяя роль мужчин, порой переигрывая и отличаясь неожиданной для мужчин кровожадностью и жестокостью. Мужчины, привыкшие видеть женщин слабым полом, сталкиваясь с темной агрессивной стороной женщин, оставляют сюжеты и воспоминания о женской агрессии как наиболее шокирующие и выходящие за всякие рамки понимания. Используется и прием комического принижения агрессивности, где высмеиваются сварливые жены и отважные женщины, как в примере с «девушкой-чернавушкой», побивающей новгородских мужиков. Женщине отпускается роль символа безумной толпы, готовой, словно неистовые менады, чинить кровавые расправы. Европейская культура насыщена мизогинией и недоверием к женскому полу.

Использованная литература:

1. Бретон Г. Истории любви в истории Франции. М.: Крон-Пресс 1993.
2. Быков Д. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2006.
3. Гейне Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Проза 30-х годов. Письма. М.: Художественная литература, 1983.
4. Зиммель Г. Микеланджело: к метафизике культуры / пер. Ф. Степун. // Лики культуры: альманах / ред. С.Я. Левит. М.: Юрист, 1995. Т. 1. С. 163–184.
5. Золя Э. Жерминаль. М.: Художественная литература, 1975.
6. Карлейль Т. История Французской революции. М.: Мысль, 1991.
7. Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Нов-

References:

1. Breton, G., *Istorii lyubvi v istorii Frantsii* [Love Stories in the History of France], Moscow: Kron-Press, 1993.
2. Bykov, D., *Boris Pasternak* [Boris Pasternak], Moscow: Molodaya gvardiya, 2006.
3. Heine, H., *Sobranie sochineniy* [Selected Works], in 6 vols., vol. 5: *Proza 30-kh godov. Pis'ma*, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1983.
4. Simmel, G., *Mikelandzhelo: k metafizike kul'tury* [Michelangelo and the Metaphysics of Culture], Stepun, F., Transl., in *Liki kul'tury: almanac*, vol.1, Levit, S. Ya., Ed., Moscow: Yurist, 1995, pp. 163–184.
5. Zola, E., *Zherminal'* [Germinal], Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975.
6. Carlyle, T., *Istoriya Frantsuzskoy revolyutsii* [French Revolution, a History], Moscow: Mysl', 1991.

- города, Пскова и Вятки. Спб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1863.
8. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: АСТ, 2016.
 9. Липпман У. Публичная философия. М.: Идея-Пресс, 2004.
 10. Ломброзо Ч. Женщина – преступница или проститутка. М.: Астрель, 2012.
 11. Мелентьев М. М. Мой час и мое время: Книга воспоминаний. СПб.: Ювента, 2001.
 12. Нойман Э. Великая Мать. М.: Добросвет, 2014.
 13. Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
 14. Русский фольклор: сборник / сост. В. Аникин. М.: Художественная литература, 1985.
 15. Сорокин П. Страницы Русского дневника // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1992. № 2. С. 57–73.
 16. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М.: РОСПЭН, 2004.
 17. Титова Т. А. Антропоморфизм как способ освоения действительности (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2013.
 18. Эренбург И. Лик войны. Воспоминания с фронта, 1919, 1922–1924. Газетные корреспонденции и статьи, 1915–1917. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2014.
 19. Freud S. An Outline of Psycho-Analysis. New York: Norton, 1949.
 20. Woolf V. Three Guineas // A Room of One's Own. Three Guineas. Oxford: Oxford University Press, 1998.
 7. Kostomarov, N. I., *Severnorusskie narodopravstva vo vremena udel'no-vechevogo uklada. Istoriya Novgoroda, Pskova i Vyatki* [Northern Russian People's Governing in Times of Specific Veche Way of Life. History of Novgorod, Pskov and Vyatka], Saint Petersburg: Izdanie D. E. Kozhanchikova, 1863.
 8. Le Bon, G., *Psikhologiya narodov i mass* [The Psychology of Peoples & The Crowd: a Study of the Popular Mind], Moscow: AST, 2016.
 9. Lippmann, W., *Publichnaya filosofiya* [The Public Philosophy], Moscow: Ideya-Press, 2004.
 10. Lombroso, C., *Zhenshchina – prestupnitsa ili prostitutka* [Criminal Woman], Moscow: Astrel', 2012.
 11. Melent'ev, M. M., *Moy chas i moe vremya: Kniga vospominaniy* [My Hour and My Time: Book of Memories], Saint Petersburg: Yuventa, 2001.
 12. Neumann, E., *Velikaya Mat'* [The Great Mother], Moscow: Dobrosvet, 2014.
 13. Olson, L. and Adon'eva, S., *Traditsiya, transgressiya, kompromiss: Miry russkoy derevenskoy zhenshchiny* [Northern Russian People's Governing in Times of Specific Veche Way of Life. History of Novgorod, Pskov and Vyatka], Moscow: Nvoe literaturnoe obozrenie, 2016.
 14. *Russkiy fol'klor* [Russian Folklore]: collection, Anikin, V., Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1985.
 15. Sorokin, P., *Stranitsy Russkogo dnevnika* [Pages of the Russian Diary], *Rubezh. Al'manakh sotsial'nykh issledovaniy*, 1992, no. 2, pp. 57–73.
 16. Stites, R., *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nihilizm i bol'shevizm. 1860–1930* [The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930], Moscow: ROSPEN, 2004.
 17. Titova, T. A., *Antropomorfizm kak sposob osvoeniya deystvitel'nosti (sotsial'no-filosofskiy analiz)* [Anthropomorphism as a Way of Mastering Reality (Socio-Philosophical Analysis)]: *Extended Abstract of Cand. Sci. Dissertation (Philosophy)*, Kazan, 2013.
 18. Erenburg, I., *Lik voyny. Vospominaniya s fronta, 1919, 1922–1924. Gazetnye korrespondentsii i stat'i, 1915–1917* [The Face of War. Memories from the Front, 1919, 1922–1924. Newspaper Correspondence and Articles, 1915–1917], Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta, 2014.
 19. Freud, S., *An Outline of Psycho-Analysis*, New York: Norton, 1949.
 20. Woolf, V., *Three Guineas*, in *A Room of One's Own. Three Guineas*, Oxford: Oxford University Press, 1998.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Карагода, К. П. Риторика женской агрессии: опыт анализа художественных текстов Нового времени [Электронный ресурс] / К. П. Карагода // Наследие веков. – 2019. – № 1. – С. 67–77. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Karagoda.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Karagoda, K. P., *Ritorika zhenskoy agressii: opyt analiza khudozhestvennykh tekstov Novogo vremeni* [Rhetoric of Women Aggression: the Experience of Analysis of Artistic Texts of the Modern History], *Nasledie vekov*, 2019, no. 1, pp. 67–77. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Karagoda.pdf. Accessed Month DD, YYYY.